



# **Н**естандартная эпистемология в отечественном исполнении (сравнительный анализ концепций Г.П. Щедровицкого и М.А. Розова)

*Н.И. КУЗНЕЦОВА*



В статье анализируется содержание эпистемологических концепций Г.П. Щедровицкого и М.А. Розова. Автор стремится восполнить недостаток в исследованиях наследия этих отечественных философов. Обсуждаются эпистемологические предпосылки работ Щедровицкого и Розова, их категориальное представление о деятельности, проблема соотношения «нормы» и «норматива», приводятся анализ рефлексии, а также общий подход к анализу понятия знания.

**Ключевые слова:** эпистемология, знание, деятельность, Г.П. Щедровицкий, М.А. Розов, история философии.

Как это ни печально, но актуальность анализа истории отечественной философии науки (причем недавней, послевоенной) не вызывает сомнений по той простой причине, что такие работы в систематической форме попросту не ведутся. В данном случае я попытаюсь представить в краткой форме результаты сравнительного изучения эпистемологических концепций двух хорошо известных российских философов – Георгия Петровича Щедровицко-



го (1929–1994) и Михаила Александровича Розова (1930–2011). Хотя эти имена весьма авторитетны, можно смело утверждать, что никто и никогда не ставил специальной исследовательской задачи – разобраться в сути построенных ими концепций и продемонстрировать таким образом их вклад в развитие современной эпистемологии и философии науки.

Несмотря на усилия некоторых учеников Георгия Петровича, анализ философских взглядов Щедровицкого проведен не был. Следует заметить, что последней (неоконченной) книгой М.А. Розова была именно фундаментальная работа о Щедровицком<sup>1</sup>. К несчастью, рукопись обрывается буквально на полуслове, хотя ей отдано пять лет постоянного труда (не входившего, правда, в официальные планы НИР). Розов остро чувствовал моральный долг и ответственность перед покойным коллегой, ибо, с его точки зрения, самое бесчеловечное преступление – это игнорировать высказанные идеи Щедровицкого, просто-напросто предать их забвению.

Сам М.А. Розов неоднократно призывал более внимательно относиться к тому идейному багажу, который был накоплен молодыми философами, вступившими на профессиональную стезю в 1950 – начале 1960-х гг. Он писал: «Печально, но в настоящее время западная мода все больше и больше заполняет наши умы, и мы с пренебрежением забываем о том, что было сделано во второй половине XX века отечественными философами на теневой стороне. Однако переводы, рефераты и анализ чужих точек зрения еще не порождают сами по себе механизм собственного творческого поиска, и этот механизм очень трудно, если вообще возможно, заимствовать из чужих рук, из мозаичной картины чужих результатов. Мы не знаем той “кухни”, где все это создавалось, нас пускают только за праздничный стол, где хрусталь бокалов, белизна салфеток и искусный дизайн блюд полностью вытесняют кухонный чад. И если так будет продолжаться, то не будет у нас никогда собственной “кухни”».

А ведь эта кухня, кухня творческого поиска у нас была и давала результаты, ставились интересные и глубокие проблемы, разрабатывался концептуальный аппарат для их обсуждения, предлагались различные варианты решения<sup>2</sup>.

Опираясь во многом на указанную работу М.А. Розова, я попытаюсь кратко сформулировать основные различия предложенных подходов к проблемам изучения знания. Я укажу общие посылки и существенные различия двух эпистемологических концепций, которые были представлены в нашем философском сообществе во второй половине XX в. Задача построения теории знания, *знания о знании* дале-

<sup>1</sup> *Розов М.А.* Сократ XX века (Г.П. Щедровицкий: проблемы и идеи): машинописная рукопись (из домашнего архива Н.И. Кузнецовой). 111 с.

<sup>2</sup> Там же. С. 4.



ко не решена. Тем более важно осознать и оценить пути, ведущие к ее решению. Эпиграфом к данному сообщению можно поставить слова известной песни Ю. Визбора: «Дороги трудны, но хуже без дорог...»

## 1. Общие посылки нестандартной эпистемологии

Начнем с общих посылок двух молодых философов. Вот как об их первой встрече вспоминал Розов: «Я впервые встретился со Щедровицким на симпозиуме в Томске в 1960 г. Нельзя было не обратить внимания на молодого стройного человека, приносившего на каждое заседание тяжелейший магнитофон “Мелодия”, который весил, кажется, килограммов 30. И эту тяжесть он припер в Томск из Москвы и прилежно таскал из гостиницы на каждое заседание, записывая все доклады! Было совершенно очевидно, что на симпозиумы он ездил не отдыхать, а работать.

Мы с ним тогда очень быстро нашли общий язык. Я ставил перед собой задачу построить логику (эпистемологию) как эмпирическую науку на базе анализа научных текстов. Он свою задачу формулировал аналогичным образом. Как сейчас очевидно, оба мы были тогда большими “нахалами” и претендовали ни много ни мало как на создание новой научной дисциплины. У него в активе уже было довольно много работ и в том числе статьи о строении атрибутивного знания, которые мне тогда очень понравились. Он тут же вручил мне список своих публикаций, и мы договорились работать вместе»<sup>3</sup>.

Итак, общая посылка, которая легла в основание дальнейших поисков, – обратиться к анализу научных текстов, т.е. именно научных публикаций, монографий, учебников. Заметим: не учебников и иных работ по гносеологии и философии науки, а именно непосредственный, эмпирический анализ научных текстов, анализ, который необходимо проводить самостоятельно – так, как это делает работающий физик или химик в своей лаборатории. И в этом выборе уже начинали расходиться пути философской молодежи.

Заметим, кстати, что сами слова «эпистемология» или «философия науки» долгое время считались «терминами буржуазной философии» и были по сути запрещены к употреблению. Позднее Георгий Петрович был вынужден настаивать на том, что слово «эпистемология» необходимо для именованья особой дисциплины, изучающей знание. С ним искренне спорили даже свободомыслящие философы, которых, казалось бы, нельзя упрекнуть в идеологической зашоренности. Показателен, скажем, спор Щедровицкого с коллегами во вре-

<sup>3</sup> Розов М.А. Указ. соч. С. 12.



мя выступления на семинаре Института истории естествознания и техники АН СССР в 1973 г. Против «новомодного словечка» выступают, как видно, В.С. Швырев, Б.С. Грязнов, П.П. Гайденко... Оно кажется им ненужным, лишним, ничего не добавляющим к тому, что уже имеется в традиции исследований по «теории познания». Георгий Петрович настаивал: «Эти два слова – “гносеология” и “эпистемология” – оказались как бы уже предуготовленными к различениям тех двух предметов, которые стали постепенно формироваться и выкристаллизовались в ходе развития наших российских, советских логико-методологических представлений»<sup>4</sup>. Очевидно, что «внутренние тюремщики» держали многих в плену традиционных представлений. Но идти следовало новыми путями.

С этой установкой – отказаться от «внутренних тюремщиков» – был полностью согласен М.А. Розов. «Томский симпозиум 1960 г. вообще был преисполнен романтических настроений. На арену выходило новое философское поколение, и оно вовсе не собиралось плестись по следам “стариков”. Оно не страдало излишней скромностью и не собиралось поклоняться традиционным мумиям. Понимая абсолютную бесплодность безликого советского марксизма, оно претендовало по меньшей мере на свое собственное лицо. Но тут пути разошлись. Можно было предпринимать отчаянные попытки как-то присоединиться к уже сложившимся традициям современной западной философии, можно было ступить на стезю собственных поисков. Щедровицкий принадлежал к тем, кто выбрал второй путь. И на этом пути он был, как мне представляется, самой яркой фигурой»<sup>5</sup>.

Следует также указать на безусловный отказ философских бунтарей от так называемой гносеологической робинзонады. Из марксистской философской традиции оба они, бесспорно, принимали ту идею, что современную теорию познания (как бы ее ни называть) невозможно построить исходя из представления о «познающем субъекте», который, опираясь на показания органов чувств, восходит к более общим представлениям, выражая последние в слове и в какой-то символической форме. Казалось бы, «познающий субъект» гносеологии XVIII в. как продукт сенсуалистического материализма был отвергнут немецкой классической философией, критику которой аутентичный марксизм полностью признавал.

К сожалению, именно весьма простенькая модель «познающего субъекта» прочно вошла в «золотой фонд» ленинских представлений о познании. Это было представлено в «Материализме и эмпириокритицизме», который служил базовым трудом для всех верных адептов марксизма-ленинизма, а к ним относилась практически вся масса ву-

<sup>4</sup> Щедровицкий Г.П. Методология и наука // Г.П. Щедровицкий Философия. Методология. Наука. М., 1997. С. 318.

<sup>5</sup> Розов М.А. Указ. соч. С. 14.



зовских преподавателей философии. И даже сегодня такая модель познания не ушла со сцены как в отечественной философии, так и в западной. Она кажется основанной на здравом смысле.

М.А. Розов писал по этому поводу: «Поскольку любой отдельно взятый акт деятельности – это индивидуальный акт, акция отдельного индивида, постольку теория познания с самого ее возникновения представляла собой, по выражению К. Маркса, некоторую робинзонаду. И хотя сейчас вряд ли у кого-либо возникает сомнение в том, что познание – это исторический социальный процесс, пережитки робинзонады присутствуют до сих пор... Возникает такая картина: вот перед нами человек, познающий мир, он начинает с чувственных восприятий отдельных вещей и явлений, которые надо как-то переработать, он начинает осуществлять операции обобщения и абстрагирования, строит и проверяет гипотезы и т.д. Да, конечно, этот человек уже владеет языком, он усвоил некоторую совокупность знаний, которая накоплена человечеством, но все это не очень изменяет общую картину»<sup>6</sup>.

Карл Поппер в свою очередь определял модель «познающего субъекта» как субъективистскую эпистемологию и относился к ней иронически. Он писал: «Теория познания, основанная на здравом смысле, проста. Если вы или я хотим узнать о мире нечто еще неизвестное, нам надо открыть глаза и оглядеться кругом. И нам надо насторожить уши и прислушаться к звукам, особенно к тем, что издают другие люди. Таким образом разные наши чувства служат нам *источниками знания* – источниками или входами в наши сознания.

Я часто называю эту теорию бадейной теорией сознания <...> Наше сознание – это бадья. Поначалу более или менее пустая, и в эту бадью через наши органы чувств (а может быть, через воронку сверху) проникает материал, который в ней собирается и переваривается»<sup>7</sup>.

Но именно «бадейная теория» оказалась тем, что называется стандартной концепцией познания.

## 2. Категориальное представление деятельности

И Щедровицкого, и Розова на первый взгляд можно было бы рассматривать как представителей «деятельностного подхода» к анализу научного знания. Напомним, что при этом (в силу отрицания «гносео-

<sup>6</sup> Розов М.А. Познание как предмет эпистемологии. Основные тезисы и проблемы // Эпистемология вчера и сегодня. М., 2010. С. 44–45.

<sup>7</sup> Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 66–67.



логической робинзонады») деятельность не должна была пониматься как некоторый «акт» отдельного индивида. Неоднократно на своих семинарах Г.П. Щедровицкий обсуждал вопрос об отказе от так называемой «акторной» схемы. Но если не *акт, осуществляемый индивидом*, то что?

«Что же это такое – человеческая социальная деятельность? – разъясняет свою позицию Розов. – Очевидно, что речь идет не о единичной акции того или иного индивида, а о чем-то постоянно воспроизводимом чаще всего разными людьми и на протяжении длительного времени. Именно в этом смысле мы говорим о деятельности столяра, плотника, рыбака, летчика, ученого... Все это – различные виды деятельности, которые представлены множеством отдельных актов, в чем-то сходных, а в чем-то отличающихся друг от друга. Что дает нам право объединять то или иное множество таких единичных актов в рамках одного вида или типа деятельности? Вопрос, несмотря на его кажущуюся тривиальность, вполне заслуживает серьезного обсуждения»<sup>8</sup>.

Нужно было разобраться в этой нетривиальной проблеме, начать с общей постановки вопроса о подборе необходимой категории. Но ход рассуждений оказывается различным, конечный результат тоже. Сосредоточимся на этих различиях.

Щедровицкий рассуждает следующим образом: если мы хотим исследовать мышление, то необходимо зафиксировать тот материал (вполне доступный чувственному восприятию), в котором представлено мышление. Этот материал – знаки. Мышление всегда представлено в семиотической форме. Однако мышление характеризуется тем, что в знаковой форме фиксирует то, что называют «объективным содержанием». А что задает таковое? – Несомненно, деятельность. Деятельность является предельно общей действительностью, без которой невозможно представить процессы мышления и закономерности его развития, невозможно понять человека. Серьезное отношение к тезису Маркса о деятельностной природе познания облегчает прохождение такого пути рассуждения, это бесспорно. Другой вопрос, что мы должны теперь найти наиболее общее определение деятельности. По Щедровицкому, такой философской категорией является «субстанция». Иначе говоря, деятельность – это особая *субстанция* (*causa sui*).

Долгий путь вел Розова к иному определению деятельности. Здесь он в конечном итоге отбросил всякую связь с гносеологической традицией и опирался на естественно-научную аналогию. «Не субстанция, – заявляет Розов, – а *волна!*» И вводит представление о

<sup>8</sup> Розов М.А., Кузнецова Н.И., Одиноква Л.Ю. Социальные куматоиды как объекты географии // V Сократические чтения. Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов. М., 2004. С. 77.



«куматоидах», волноподобных социальных процессах. Это один из важнейших моментов концепции Розова. Куматоид – это особый термин, специально изобретенный автором концепции для выражения специфики социальных процессов. Суть предложенного (сугубо «доморощенного») термина в том, что закономерности волновых процессов определяются не материалом, а особенностями самой «волны». Материал лишь реализует прохождение волны, хотя в некоторых рамках сам материал не дает возможности такой реализации (волна, скажем, не может возникать и распространяться там, где водоем пересох). Однако в принципе не материал порождает свое движение, а движение волны заставляет «колебаться» те или иные частицы.

Георгий Петрович очень близок к этой интуиции, когда ищет термин для определения категории деятельности. «...Если вы берете кристаллическую решетку, то она по сути дела складывается из элементариков; если же вы возьмете человеческий социальный организм, то уже непонятно, – пишет он, – складывается ли социум из отдельных людей или же он “изготавливает” отдельных людей с самого начала как элементы своей системы»<sup>9</sup>. Это прямо следует из признания того, что деятельность не является атрибутивной характеристикой человека, а диктуется ему некоторой «социальной субстанцией». Розов разъясняет свою позицию и ее отличие от позиции Щедровицкого следующим образом: «Самое важное, вероятно, в том, что теория социальных эстафет задает новую, волновую онтологию при изучении всех социальных явлений, включая как деятельность, так и знак или знаковые системы. Отдельно взятая эстафета напоминает одиночную волну, бегущую по поверхности водоема. Частицы воды не перемещаются в направлении ее движения, волна захватывает все новые частицы, заставляет их совершать определенные колебания и движется дальше. Но так же и социальные эстафеты: в рамках эстафетного воспроизводства деятельности материал все время меняется, эстафета как волна захватывает все новых и новых людей, включает в деятельность все новые и новые материальные объекты. Приведенная выше фраза Георгия Петровича “Деятельность есть субстанция сама по себе, которая захватывает отдельных индивидов и тем самым воспроизводится”, будет звучать гораздо более точно, если слово “субстанция” заменить на слово “волна”. Однако слово “волна” звучит здесь метафорически, ибо очевидно, что мы говорим не о волнах в физическом смысле слова. Поэтому я в своих работах ввожу особый термин и говорю, что деятельность есть социальный куматоид (от греческого «κῦμα» – волна)»<sup>10</sup>.

<sup>9</sup> Щедровицкий Г.П. Теория деятельности и ее проблемы // *Философия. Наука. Методология*. С. 253.

<sup>10</sup> Розов М.А. Сократ XX века. С. 46.



### 3. Схема трансляции: «норма» и «норматив»

С различием категориального представления деятельности тесно связано и следующее (очень существенное!) различие терминов «норма» и «норматив». Первое – одно из наиболее употребляемых понятий в концепции Георгия Петровича, второе – термин, используемый на первых порах Розовым для обозначения базового механизма социальной памяти, т.е. в конечном счете в схеме воспроизводства социумом самого себя.

По прошествии лет хорошо видно, что одной из самых принципиальных для философии (как гносеологии, так и социальной философии) была статья 1967 г. трех авторов (тогда еще товарищей-единомышленников) ««Естественное» и «искусственное» в семиотических системах»<sup>11</sup>. (В действительности эта статья воспроизводит текст доклада, который был произнесен еще в 1963 г., таковы были сроки публикации материалов симпозиума!) Это была статья-манифест – небольшая по объему, но крайне важная работа, где вводилась схема процессов воспроизводства и трансляции социума. Она и сегодня производит сильное впечатление своим лаконизмом, четкостью, задорной ясностью стиля. Провозглашалось новое видение социальной жизни, предлагался, можно сказать, новый «магический кристалл» для рассмотрения традиционных вопросов, набросана в общих чертах принципиальная онтология всего многообразия социальных процессов. Рискну сравнить основную идею этой статьи и ее значение для социогуманитарных наук со значением атомистической гипотезы для естествознания. Ричард Фейнман в своих лекциях утверждал: «Если бы в результате какой-то мировой катастрофы все накопленные научные знания оказались бы уничтоженными и грядущим поколениям живых существ перешла бы только одна фраза, то какое утверждение, составленное из наименьшего количества слов, принесло бы наибольшую информацию? Я считаю, что это *атомная гипотеза...: все тела состоят из атомов – маленьких частиц, которые находятся в беспрестанном движении, притягиваются на небольшом расстоянии, но отталкиваются, если одно из них плотно прижать к другому*. В одной этой фразе, как вы убедитесь, содержится *невероятное* количество информации о мире, стоит лишь приложить немного воображения и чуть соображения»<sup>12</sup>. С моей точки зрения, если последовать призыву великого физика о необходимости использовать немного воображения и соображения, то из гипотезы об основном процессе – воспроизводстве социумом самого себя – следует также невероятное

<sup>11</sup> Лефевр В.А., Юдин Э.Г., Шедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Семиотика и восточные языки. М., 1967. С. 48–56.

<sup>12</sup> Фейнмановские лекции по физике. Т.1. М., 1965. С. 23.



количество информации о том, как устроена человеческая социальная жизнь.

Авторы той знаменитой статьи заявляют, что развитие любых семиотических систем (включая развитие естественного языка) необходимо рассматривать с точки зрения «объемлющих» процессов, т.е. процессов социальных. Главное же в социуме – процессы воспроизводства и трансляции. И это, безусловно, правильный и ясный взгляд.

Они начинают строить свою модель следующим образом: «Рассмотрим простейший случай, когда восстановление составляющих какой-то социально-производственной структуры (обозначим ее знаком  $A$ ) происходит без введения каких-либо специальных средств трансляции и образцом, или «нормой», для составляющих каждой последующей единицы являются составляющие предшествующей»<sup>13</sup>. Естественно, что если условия (обозначенные знаком  $B$ ) постоянно меняются, то происходит и некоторая эволюция  $A_1$  до  $A_i$ . Это случай «естественного» процесса трансляции социума. Но представим другой случай, – продолжают рассуждать авторы, – когда составляющие социально-производственной структуры  $A_1$  зафиксированы в некоторых эталонах ( $A$ ), которые как «норма» транслируются от одной единицы к другой. Тогда  $A_1$  может варьировать в зависимости от условий реализации, однако норма ( $A$ ) остается вне изменений. Удержание «норм» (эталонов) – это уже искусственный процесс, хотя и порождается естественным путем. Далее возникает процесс обучения, т.е. подготовка людей для воспроизводства той или иной социально-производственной структуры. Именно он закрепляет искусственный характер трансляции норм. На этом сосредоточили в дальнейшем свой анализ авторы указанной статьи, Георгий Петрович Щедровицкий в частности. Случай «естественной» социальной трансляции зафиксирован как простейший и отставлен в сторону как не требующий дальнейшего анализа. Особенно интересовали Щедровицкого случаи *проектирования* норм (из чего вырастает методология в широком смысле слова).

Но именно указанный базовый механизм социального воспроизводства (социальной памяти) лег в основу концепции Розова. В дальнейшем он назовет воспроизведение деятельности по непосредственным образцам социальными эстафетами. Вербализация образцов, а тем более обучение – это очень серьезная эволюция. Важно то, что в основе социальной жизни лежит этот простейший случай, когда еще не существует фиксированных «норм», а существует только непосредственное подражание предшествующей деятельности. И это пребывание актов предшествующей деятельности в качестве образцов для последующей Михаил Александрович называл «нормативами» деятельности. Непосвященному в тайны этих давних интеллектуаль-

<sup>13</sup> Лефевр В.А., Юдин Э.Г., Щедровицкий Г.П. Указ. соч. С. 49.



ных усилий непонятна эта акцентация на одном слого. Какая разница, как назвать, как говорить – «норма» или «норматив»? В действительности здесь лежит глубочайшее расхождение во взглядах, здесь развилка двух подходов – Щедровицкого и Розова.

Для Розова социальные эстафеты – простейший случай, однако сохраняющий свое значение в любом сложно развитом социуме. Все остальные случаи (вербализация опыта и описание его в особых семиотических системах) надстраиваются над этим простейшим, базовым механизмом передачи опыта, трансляции социальной деятельности. Социальные эстафеты – это и есть «атомы», точнее, «гены» социального опыта.

Позднее он напишет: «Мне представляется, что одним из существенных недостатков современной теории познания является то, что она исключила из сферы своего внимания базовые механизмы социализации и накопления опыта, т.е. мир социальных эстафет. Под последними я понимаю воспроизведение человеческой деятельности или поведения по непосредственным образцам. Если бы не было такого воспроизведения, то не было бы и социальной памяти, не было бы знания, не было бы социума, не было бы и человеческого познания. И вот этот мир эстафет мы как бы вывели за рамки традиционной эпистемологии. В частности, познание чаще всего фактически рассматривается как процесс получения знаний, зафиксированных в языке, без учета того важного обстоятельства, что сам язык и речь существуют и воспроизводятся по непосредственным образцам речевой деятельности»<sup>14</sup>.

#### 4. Рефлексия и ее анализ

Хорошо известно, как много сделал Щедровицкий и его последователи для пропаганды рефлексивного анализа, без которого, несомненно, невозможно проектирование деятельности и управление ею. Существует «верстак», говорил Щедровицкий, и это то, что мы непосредственно делаем. Но существует «табло осознания», на котором мы фиксируем действия и оптимизируем их за счет специально проводимого анализа. Необходим «рефлексивный выход», чтобы со стороны посмотреть на действия, и необходим «рефлексивный вход», чтобы преобразовать свое деяние наилучшим образом. Это более чем краткий конспект основных положений и различий концепции Георгия Петровича и возглавляемого им Московского методологического кружка.

<sup>14</sup> Розов М.А. Познание как предмет эпистемологии. Основные тезисы и проблемы. С. 32.



Михаил Александрович, как это ни удивительно, выстроил более сложную картину рефлексивного анализа. Отмечу только три принципиальных пункта, которых не было в концепции Щедровицкого и которые тот не принял принципиально.

Во-первых, Розов впервые поставил вопрос о том, что в социогуманитарном познании мы сталкиваемся с особой проблемой – изучением рефлектирующих систем. Иначе говоря, сталкиваемся с теми системами, которые в качестве своего элемента содержат самоописание (рефлексию) собственной деятельности. Еще в книге 1978 г. он писал о специфике познавательной ситуации в гносеологическом исследовании: «Представим себе такую ситуацию, когда геолог, исследуя речные наносы, вдруг обнаруживает, что каждая песчинка вещает ему достаточно громким голосом о своем химическом составе, своей истории и истории своих ближних. Это может показаться чем-то совершенно фантастическим и невероятным, но именно с такой ситуацией мы сталкиваемся в ходе гносеологического исследования. Познание – система с рефлексией. Действительно, каждый ученый, каждый участник познавательного процесса строит знание не только об изучаемом объекте, но и о самом процессе познания»<sup>15</sup>. Феномен «говорящей песчинки» прекрасно иллюстрирует особенность изучаемого объекта. Но именно вследствие осознания этой специфики необходимо сделать вывод о неизбежности для гносеологии (эпистемологии) занять особую исследовательскую позицию, а не просто повторить то, что наговорено в рефлексии. Впрочем, многие гуманитарии поступают иначе: они записывают эти акты самосознания, самоописания и это считают своим результатом. Активный методолог не просто фиксирует осознание, но заставляет его переставить акценты, выдвинуть новые цели – одним словом, методолог всегда занят оптимизацией деятельности, в этом его сила. Однако от задач *познания познания* он далек так же, как всякий, осуществляющий рефлексию, далек от задач исследования всей рефлектирующей системы в целом.

Для самого Щедровицкого и его последователей фиксация особой «исследовательской позиции» относительно рефлектирующих систем была отвергнута. Вердикт был краток: никакого *познания* рефлексирующих систем, кроме рефлексии, в деятельности нет и быть не может! Иначе говоря, «исследовательская позиция» – это рефлексия особого типа и не более того.

Во-вторых, Розов впервые в явной форме подчеркнул доминирование непосредственных образцов деятельности и поведения над любыми инструкциями, выраженными в семиотической форме. Эту закономерность он для краткости назвал «законом Страхова» в честь

<sup>15</sup> Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1978. С. 100.



выдающегося отечественного геолога, основателя литологии Николая Михайловича Страхова<sup>16</sup>. Почему именно такое именование? Дело в том, что именно Страхов в одной из своих историко-научных работ подчеркнул, что для преобразования научной работы недостаточно словесно выраженных методологических программ, для изменения деятельности необходимо продемонстрировать образцы новой исследовательской практики. Об этой закономерности Михаил Александрович писал еще в одной из своих ранних работ<sup>17</sup>. Мы ничего не поймем в закономерностях развития социума, если не учтем такой простой вещи. В случае, когда словесная инструкция налицо, но одновременно можно наблюдать прямо противоположные ей образцы поведения, победит, несомненно, непосредственный образец. Так уж устроены люди и их социальная жизнь. Именно поэтому лозунги остаются лозунгами, а реальная жизнь течет в ином русле.

В-третьих, именно Розов открыл удивительное явление, связанное с рефлексией и ее «фокусами», – явление рефлексивной симметрии и возможности рефлексивных преобразований. Без понимания этих «фокусов» невозможно понять мощные механизмы самообновления науки и социума в целом. Как ни странно, это также ускользнуло из поля зрения щедровитян. Вероятно, это было связано с тем, что, по их мнению, ничего, кроме рефлексии, в рефлектирующих системах просто нет. Явление рефлексивной симметрии и рефлексивных преобразований не было ни зафиксировано, ни осознано, хотя практически с ним, несомненно, сталкивались – одно и то же действие, осуществленное на «верстаке», может быть различным образом представлено на «табло осознания», т.е. в рефлексии.

Напомним, как Розов представлял явление рефлексивной симметрии. «Вспомним известную притчу о строительстве собора в средневековом городе Шартре. Спросили трех человек, каждый из которых катил тачку с камнями, что они делают. Ответы оказались разными. “Тачку тяжелую качу”, – ответил первый. “Зарабатываю хлеб семье”, – сказал второй. “Я строю Шартрский собор!” – заявил третий. Но ведь каждый из опрошенных осуществлял один и тот же набор действий, т.е. с точки зрения физики или физиологии они делали одно и то же. Перед нами три разных акта деятельности, которые отличаются друг от друга только целевыми установками, только осознанием продукта. Фактически каждый из трех опрошенных и катит тачку, и зарабатывает на хлеб, и строит собор, но свои действия они осознают различным образом. Мы будем говорить, что каждые два таких акта рефлексивно симметричны, ибо преобразуются друг в дру-

<sup>16</sup> См.: Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008. С. 143–144.

<sup>17</sup> Розов М.А. Образцы деятельности и семиотические средства управления // Методологические проблемы науки. Новосибирск, 1978. Вып. 5.



га путем смены рефлексивной установки: то, что осознавалось как основной продукт, становится побочным результатом и наоборот... [Ответ на вопрос, что мы делаем или что получили?] зависит от характера нашей рефлексии, от нашего осознания целевых установок»<sup>18</sup>.

Иногда такое преобразование является подлинной революцией для того или иного типа деятельности. Отмеченное явление имеет огромное значение для развития систем знания. На одном из модельных примеров Розов демонстрирует возможности формирования различных знаний на базе одного-единственного сравнительно простого эксперимента в химии. Изложим кратко это рассуждение.

В науке постоянно встречаются описания проделанных экспериментов. Чаще всего такие описания довольно громоздки, но вот сравнительно простой пример из учебника К. Неницеску: «В трубке из тугоплавкого стекла нагревают на пламени в токе хлора небольшой кусок металлического натрия. Спустя некоторое время натрий соединяется с хлором, образуя хлорид натрия  $\text{NaCl}$ , при этом появляется ослепительный желтый свет»<sup>19</sup>. Как можно интерпретировать полученный результат? Напрашиваются как минимум три варианта:

1. Натрий используют при получении хлорида натрия. Для этого небольшой кусок металлического натрия помещают в трубку из тугоплавкого стекла и нагревают на пламени в токе хлора. При реакции появляется ослепительный желтый свет. Референт данного знания – натрий.

2. Хлор используют при получении хлорида натрия. Для этого небольшой кусок металлического натрия помещают в трубку из тугоплавкого стекла и нагревают на пламени в токе хлора. При реакции появляется ослепительный желтый свет. Референт данного знания – хлор.

3. Хлорид натрия получают следующим образом: небольшой кусок металлического натрия помещают в трубку из тугоплавкого стекла и нагревают на пламени в токе хлора. При реакции появляется ослепительный желтый свет. Референт данного знания – хлорид натрия.

Итак, очевидно, что в первом случае строится знание о свойствах натрия, во втором – о свойствах хлора, а в третьем – о способе получения хлорида натрия. Иначе говоря, перед нами знания о различных объектах, ибо они имеют разную референцию<sup>20</sup>.

Как подчеркнул Розов, рефлексивные преобразования – один из важнейших инструментов перестройки не только познания, но и любой социальной деятельности. Рефлексивные преобразования, повторюсь, были известны Георгию Петровичу просто из многообразной

<sup>18</sup> Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. С. 212–213.

<sup>19</sup> Неницеску К. Общая химия. М., 1968. С. 345.

<sup>20</sup> Розов М.А. Знание и коммуникация // Наука в культуре. М., 1998; Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 222.



практики его семинарской работы, однако никогда не получали явно-го, зафиксированного выражения и потому не подвергались специальному анализу.

## 5. Представление знания

Конечно, следует оговориться, что Георгий Петрович непосредственно занимался эпистемологическими проблемами только в ранний период своего многообразного творчества, а Михаил Александрович посвятил этим проблемам фактически всю сознательную научную жизнь. Несомненно, по степени разработанности это несравнимо. Но в данном случае нас интересуют только методологические пути и конечные результаты. Поэтому отважимся на это сопоставление.

Итак, каков конечный результат эпистемологических концепций Щедровицкого и Розова? Как представлено знание в рамках этих концепций?

Несомненно, знание, по Щедровицкому, не является продуктом чьей-то индивидуальной воли, это явление надличностное. И рождается оно в процессах трансляции. Согласно Щедровицкому, знание в простейшем случае (так называемое атрибутивное знание) – это результат «замещения» в семиотической форме того содержания, которое получено в процессе оперирования с эмпирическим объектом. Знаковая форма как бы «капсулирует» приобретенный социальный опыт и дает возможность транспортировать его в пространстве и времени. В дальнейшем появляются возможности достаточно долгого «путешествия» на уровне семиотической формы, а затем – процедур интерпретации («отнесения» знаковых форм к объекту оперирования). В этом, например, сила математизированных форм научного познания.

Однако сама категоризация «замещения» объективного содержания знаковой формой мне кажется неудачной. Разве может слово (как и любая иная семиотическая форма) «заместить» объект?! Связь слова и объекта – это сложнейшая проблема, однако вряд ли кто-то всерьез может настаивать на том, что здесь имеется связь замещения.

По Розову, знание – это явление социальной, а не индивидуальной памяти. Он, как и Поппер, считает знание принадлежащим особому, надличностному миру. Знание как особое устройство социальной памяти – это объективное явление. И субъективная эпистемология, выражаясь языком Поппера, такое явление анализировать просто не в состоянии.

Кроме того, важно отметить, что знание, по Розову, не сводится к высказываниям, вообще к каким-либо семиотическим формам, хо-



тя и возникает при наличии языка и развитой речевой коммуникации. «Хотя знание, – пишет он, – и не существует без языка и речи, в целом оно представляет собой некоторое экстралингвистическое образование»<sup>21</sup>. Последнее очень важно! Хотелось бы подчеркнуть, что в модель знания, по Розову, совершенно естественным образом включается то, что Майкл Полани называл «неявным знанием» (неартикулированным знанием, неоформленным, молчаливым, невыразимым), т.е. то, что не вербализовано, но присутствует в любой научной работе. Следовательно, любое самое абстрактное научное знание включает в себя непосредственные образцы деятельности, которые можно только копировать под руководством учителя, но невозможно полностью выразить в языке или в виде отчетливо сформулированных правил. Полани часто называет эти «молчащие знания» умениями, навыками. Напомним, что он писал: «То большое количество учебного времени, которое студенты химии, биологи и медики посвящают практическим занятиям, свидетельствует о важной роли, которую в этих дисциплинах играет передача практических знаний и умений от учителя к ученику. Из сказанного можно сделать вывод, что в самом сердце науки существуют области практического знания, которые через формулировки передать невозможно»<sup>22</sup>.

Семиотическая форма, согласно Полани, которая транслирует знание (любой научный текст), – это, образно выражаясь, лишь вершина айсберга, а его большая, подводная часть состоит из неартикулированного, неявного знания в виде умений, навыков, конкретных операций и действий. Только благодаря такому «подводному этажу» научные тексты приобретают подлинный смысл, а исследователь прорывается к реальности. И дело вовсе не в движении от чувственного опыта к теоретическим обобщениям и абстракциям, которые, как принято считать, представляют объективную истину. Для Полани эти стандартные представления – какой-то оксюморон, какой-то позитивистский платонизм! «Утверждение, что открытие [объективной истины] вначале опирается на чувственный опыт, а затем преодолевает его, переходя к восприятию картины реальности, будет расценено как дешевая мистификация, недостойная просвещенного века», – с пафосом заявляет Полани в начале своей знаменитой книги<sup>23</sup>.

Единственная на сегодняшний день модель знания, которая имманентно включает в себя эти соображения Полани (полностью, кстати, проигнорированные Поппером), – это эстафетная модель знания Розова.

<sup>21</sup> Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 217.

<sup>22</sup> Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 89.

<sup>23</sup> Там же. С. 24.



Итак, какова же структура знания? Что получилось в конечном итоге?

По Розову, знание представляет собой эстафетную структуру, одним из элементов которой является эстафета *референции* (можно сказать, дифференциации и диагностики изучаемого объекта), а другой элемент – эстафета *репрезентации*.

Первый компонент – вполне практическое умение отделить один объект от другого, диагностировать его как «минерал», «степь», «электрон» и т.д. (в ранних работах Розов называл эти действия нормативами-дифференциаторами). Второй – по сути дела вербализация той деятельности, которая может быть осуществлена с изучаемым объектом. Если мы, к примеру, утверждаем, что «Земля – шар», то основное содержание этого знания состоит в том, что можно посчитать радиус этого шара, определить центр, вычислить объем, площадь поверхности и т.п. Другими словами, репрезентатор – это то, что мы умеем делать с данным объектом. Семиотическая форма фиксирует связь (сопряженность) этих эстафет и сохраняет в социальной памяти в «описаниях» типа: «Данный минерал называется “мусковит” и распространен в Родопах», «Поваренная соль растворяется в воде» или даже «Мел – бел». В последнем случае действие, составляющее содержание этой фразы, кажется отсутствующим, однако это иллюзия. За подобным высказыванием скрывается сопоставление того, что диагностируемо как «мел» с эталоном цвета («белый»), принятым в данной культуре<sup>24</sup>.

Очевидно, сколь близки в исходе эпистемологические представления Г.П. Щедровицкого и М.А. Розова и сколь они различны в итоге.

\* \* \*

В заключение этого краткого очерка не могу не привести замечательные слова Розова относительно усилий Георгия Петровича построить новую эпистемологию (так называемую содержательно-генетическую логику): «Что же представляет собой Г.П. Щедровицкий? Да, он был блестящий оратор. Да, он умел видеть тайну в обыденном и привычном и умел ставить проблемы. Да, он оставил нам ряд концепций, мимо которых нельзя пройти. Нельзя не столько в силу их завершенности, окончательной истинности, а потому, что это сильно обедняет прошедшего мимо. Может быть, некоторые концепции уже не живут сейчас, но на каждой из них можно написать, как и на моги-

<sup>24</sup> Подробнее см.: *Степин В.С., Горюхов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1995. С. 151–161.



ле знаменитых спартанских гоплитов: “Путник, извести Спарту, что здесь мы в могиле лежим, честно исполнив закон”. Щедровицкий был честный и последовательный мыслитель. И он писал не потому, что необходимо было защищать диссертацию или составлять отчеты, а потому, что хотел донести до читателя итоги своей неустанной интеллектуальной работы»<sup>25</sup>.

Нельзя не отнести эти прекрасные слова и к напряженной работе самого Михаила Александровича.

<sup>25</sup> Розов М.А. Сократ XX века. С. 25.